

Андреев А.В.

Мой друг, шахматист

16+

Александр Владимирович Андреев

Мой друг, шахматист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66681894

SelfPub; 2021

Аннотация

Черное остается черным, а белое – белым, пока идет игра на уничтожение. Так было и так будет.

Александр Андреев

Мой друг, шахматист

Зимняя деревня – особенное место. Округа, затянутая белой пеленой, гипнотизирует. Околица, сразу за которой стоят красавицы-сосны. Строгие ели в торжественном карауле, предусмотрительно укутанные в белоснежные тулупы, сторожат задние двory. Скромно прячутся за ними березки. И тишина. Деревня плавает в тишине, словно пенка на поверхности молока.

Здесь нет интернета, телевизора, радио. Из музыки – только потрескивание деревьев на морозе. Хлеб и продукты в магазин привозят два раза в неделю. Как и почту. В понедельник и четверг. И воду приходится носить самому. Из колодца за пятьдесят метров. По узкой тропинке, протоптанной односельчанами, перекинув коромысло через плечо.

Одним словом – здесь хорошо.

Сегодня как раз четверг, и я спешу домой с двумя буханками ароматного черного хлеба с изрядно подпаленной верхней корочкой. Как же немного надо человеку, чтобы жить в ладу с собой...

Я хочу рассказать вам историю, приключившуюся со мной почти год назад. Всё началось с одного случайного зна-

комства в и-нете.

Знаете, кто проводит львиную долю своего свободного времени в сети?

Конечно, знаете... Мизантропы, любители порнографии, смело метящие в профессионалы, местечковые политики, следующие 'моде сверху', хронические бездельники... Непризнанные гении (зачастую единственный талант коих – объединять в себе все вышеперечисленные атрибуты), начинающие литераторы, не востребуемые представители так называемых творческих профессий.

Или просто – отъявленные неудачники.

К какой категории причислить вашего покорного слугу? Да к какой угодно! Список тех дел, в которых я не преуспел, впечатляющ. В раннем детстве родители возлагали на единственное чадо большие надежды. Но видимо вседержитель не наградил меня спиной верблюда, и навьюченного груза я снести не мог. В лучшем случае переминался с ноги на ногу под гнетом увесистых тюков. В худшем – ноги разъезжались, и я трамбовал мордой песок.

Однако, затянув вступление, рискуешь потерять слушателя.

Одним дождливым вечером я забрел в кинотеатр, где шел черно-белый, в чем-то очень наивный фильм 'Гений дзю-до' Акиро Куросавы. Главный герой картины как раз пережи-

вал сильнейший кризис личности, проводя ночь в обнимку со скользкой сваей в крохотном пруду. Катарсис, как бы сказал мой психотерапевт. Именно после такой нетривиальной ночи герой встречает утро обновленным, вполне познавшим ценность человеческой жизни.

Неужели для этого обязательно оказаться в холодном, уютном, темном пруду?

В тот вечер, коротким сообщением в чате, и появился в моей жизни Влад... Слово за слово, и общая тема разговора найдена! Оказалось, что мы оба участвовали в детстве в шахматных турнирах. Только в разные годы. Собеседник рассказал о том, что и сейчас не прочь посидеть за доской. И порекомендовал удобный сайт, где можно найти партнера для игры. Надо ли говорить, что через четверть часа мы уже сошлись не за страх, а за совесть в битве умов.

Первую партию, почти блиц, я посчитал чистой воды недоразумением. Конечно, я давно не сидел за доской, но все-таки чемпионом области среди юношей, становятся не просто так. Поэтому, мат на девятнадцатом ходу мог объясняться, скорее, рассеянностью, чем существенной разницей в уровне игры. Не думаю, что гроссмейстеры проводят время в он-лайн партиях, теща свое самолюбие легкими победами над любителями. Вторую партию сдал новому знакомому на двадцать девятом ходу – за его явным преимуществом. Честно сказать, капитулировать надо было раньше. Мой визави вежливо откланялся, не забыв упомянуть время, когда

он будет готов дать мне шанс на реванш. Неожиданно для себя, я ждал этого часа с нетерпением. И вновь сдал все три партии менее чем за тридцать пять ходов. Тогда я ясно понял, что моему самолюбию необходим небольшой тайм-аут.

Во мне проснулся азарт. Следующие две недели я посвятил восстановлению в памяти теории игры. Кроме того, немало удивил нескольких товарищей, разделявших некогда моё увлечение шахматами, внезапными визитами. Каждый такой поход сопровождался предложением 'составить партию', как в старые времена. И, естественно, комплект для испытания интеллекта в честной борьбе, совершенно случайно, оказывался у меня при себе. Без ложной скромности замечу, что лишь в двух случаях оппонентам посчастливилось свести спортивную баталию вничью. И, казалось, теперь я готов был встретить противника во всеоружии.

На третий день пребывания в сети, когда я уже начал беспокоиться за самую возможность реабилитации, аккаунт Влада подмигнул зеленым светом. Партия затянулась за полночь. И всё-таки на сорок четвертом ходу я вынужден был признать поражение.

Мы условились встречаться в сети через два дня. Позже, по моему настоянию, – через день. Прошло еще немного времени – и мы уже свободно общались по аське, чуть ли не каждый вечер. Правда, диалоги редко выходили за рамки односложных фраз, но такое общение – скорее норма для интернета, чем исключение из правил. Да и сам я не спешил

раскрывать душу анонимному собеседнику.

К тому же, стыдно признаться, но я стал всерьез подозревать моего нового знакомого в жульничестве. Тщеславие зацепилось за фразу, оброненную Владом походя, вскользь. В ней он упоминал, что немного сведущ в программном обеспечении. И я не нашел ничего лучшего, как предложить моему новому приятелю сыграть в режиме видеоконференции. Благо современная техника легко позволяет исполнить такую прихоть. Что-то мне подсказывало, что мой оппонент небогат. Но простенькая видеокамера есть у многих, почему бы ей не быть и у Влада?

Предложение я озвучил в ходе ближайшей нашей сессии. На какое-то время собеседник замолчал, видимо взвешивая все 'за' и 'против'. И согласился!

К назначенному сроку я стал обладателем классического шахматного комплекта. Мой прежний, исполненный в походном варианте, был удобен своей компактностью, но мелковат для задуманного. Фигурки, вырезанные в примитивно-модерновом стиле, отличались от привычных мне. Но, сравнив цены на альтернативные варианты, я, как воспитанный человек, предпочел довольствоваться самой демократичной моделью. Ни к чему подчеркивать разницу в социальном статусе, выставя себя таким интеллектуальным снобом.

Вызов застал меня за приготовлением кофе. Не признавая

растворимый, я варю напиток сам, пользуясь, правда, при этом электрической кофемолкой.

Магический аромат уже успел распространиться по квартире, когда раздался приглашающий зуммер. Присаживался я с дымящейся чашечкой уже перед включенной камерой. Мой соперник ждал терпеливо, склонившись с карандашом над блокнотом.

Влад оказался худощавым, немного угловатым мужчиной лет тридцати с копной нестриженных русых волос. Теплая клетчатая рубашка на нем смотрелась совсем по-домашнему. Вот он поднял голову от блокнота, и я смог разглядеть лицо. Глаза сразу приковали внимание. Большие, голубовато-стального цвета, с легким прищуром, они смотрели оценивающе, проникая, казалось, глубоко в мысли собеседника.

– Приступим? – предложил Влад, пододвигая доску с фигурами прямо под объектив камеры. Поле доски изобиловало трещинками и царапинами, вносящими нотку хаоса в безупречную геометрию клеток. В одном углу виднелась даже подпалина.

'Старомодные фигурки, доска времен царя гороха... Все-таки, наверно, живет небогато. А ведь камера у него очень даже не слабая, передает все детали и нюансы' – я механически про себя отметил первое противоречие.

Обстановку квартиры я оценить не мог, поскольку лампа выхватывала только поле предстоящей битвы, оставляя в тени предметы интерьера.

От Влада не укрылась озадаченность, с которой я воззрился на доску.

– Память – предельно лаконично отозвался он, отводя взгляд чуть в сторону.

'Однако, очень неплохой физиономист – сделал я очередное наблюдение.

– Если он столь же талантлив в шахматах, как в психологии, мне действительно, попался весьма крепкий орешек!'

Влад двинул пешку от короля на две клетки. Классическое начало. Не нарушая традиций, я ответил тем же. Кони, кони, слоны, пешки – ходы замелькали, как в калейдоскопе. Я не забывал следить за руками соперника, но не заметил никаких хитрых манипуляций. Карандаш, переставленная фигура, запись в блокноте. Иной раз – пальцы, переплетенные в замок перед грудью. И всё!

Ни намёка на нечестную игру. Единственное, что бросалось в глаза – Влад очень часто смотрел на меня, в то время, как я размышлял над очередным ходом. Не на доску, не на обстановку за моей спиной, – именно на меня!

'Может, манера такая... Предугадывать помыслы соперника. Изучать его реакции, вникать в стиль его игры, – думал я тогда.

После того, как он распознал мою заинтересованность доской, гипотеза казалась вполне правдоподобной.

Впрочем, вряд ли ему сильно помогал этот навык.

Партия закончилась нетипично быстро! На третьем десят-

ке ходов Влад предложил ничью. Я бегло оценил обстановку на доске, – и согласился!

Мой знакомый сразу же вышел из сети, сославшись на домашние дела, а я, попрощавшись с ним, незамедлительно откупорил бутылку французского шампанского! Первый успех следовало отметить!

Наотмечался я так, что наутро голова просто раскальвалась, и на работу прибыл с опозданием. Всё-таки в том, что твой босс – родной отец, есть определенные преимущества! Правда, полгода назад я так не думал...

Крупный, очень важный для компании договор, который, казалось, был у меня в руках, уплыл прямо из-под носа. Я готов был голову дать на отсечение, что уж где-где, а в той области все схвачено у нас железно. И ни один залетный варяг не сможет на пушечный выстрел подойти к забитой теме. Однако коварный чужеземец нашелся. Фирма с нами бодалась не то чтобы очень известная, но и не маленькая. Совместное российско-китайское предприятие побило все (да-да, я подчеркиваю – буквально все) наши козыри! Не помогли ни папины связи, ни посиделки в сауне с нужными людьми, ни щедрые откаты, обещанные в случае успеха. Поразительно, но каждая моя инициатива упиралась в абсолютно непроницаемую, железобетонную стену!

Я не стал подставлять сотрудников отдела под удар, и честно принял всю чашу отеческого гнева. А надо сказать, папа никогда не страдал излишней кротостью натуры. Рядо-

вые клерки его откровенно побаивались. Да и начальники отделов предпочитали лишний раз не попадаться на глаза шефу. Особенно когда тот пребывал в дурном расположении духа. Обрушившаяся на меня буря по десятибалльной шкале тянула где-то на одиннадцать. То есть таких эпитетов и речевых оборотов я не слышал от отца никогда прежде. Он припомнил мне все, начиная с пеленок. Особенно то, что как только я занял пост руководителя отдела развития, дела компании стремительно покатались под гору.

Аргументы мудрых римлян типа, не всегда 'Post hoc ergo propter hoc' (после этого значит по причине этого) не произвели на отца ни малейшего впечатления. Я потерял не только должность, но и расположение своего родителя. Бросив мне:

– Приглядывай хоть, чтоб у нас не воровали в наглуую, раз на большее не способен! – босс отстранил меня от дел и предал опале.

С этого дня я был на положении цепного пса, сторожащего хозяйское добро. Занимался рутинными проверками отчетов, сравнивал цены закупки и предложения, выбивал всеми правдами и неправдами оптовые скидки и занимался тому подобной мелкой нудятиной.

Отец при встрече откровенно игнорировал мое присутствие. Молча выслушивал отчет о проделанной работе, и, не удостоив даже взглядом, удалялся на верхние этажи здания. Где-то в глубине души я его понимал, и даже сочувствовал.

В компанию он вложил жизнь. Сегодня бизнес обрел бо-

лее-менее человеческое лицо в нашей стране. А когда пришлось начинать отцу, он всякого навиделся. О чем-то иногда рассказывал на семейных праздниках, но большая часть айсберга, всегда оставалась под водой. Кирпичик за кирпичиком, этаж за этажом он возводил здание собственной компании. И вот теперь результаты нескольких десятилетий упорного, тяжелого труда раскачивались над пропастью. Отец прикладывал титанические усилия, чтобы выправить положение, но пока их оказывалось явно недостаточно. Порой папа казался мне полководцем, только и ждущим удобного момента, чтобы бросить свою армию в решительную атаку на врага. Но время шло, а полковая труба все молчала. Враг затаился где-то в тени. И наносил выверенные, коварные партизанские удары, сводя на нет все успехи наших войск.

Рабочий день промелькнул как один час, и вечер я встречал у монитора, снедаемый нетерпением в ожидании моего товарища по увлечениям. Влад появился на экране точно в назначенное время. На нем была все та же рубашка в бело-красную клетку, те же фигурки были расставлены на доске, к которым прикасались длинные, музыкальные пальцы моего соперника, выравнивая их ряды. Но что-то неуловимо изменилось во внешности Влада. Присмотревшись повнимательней, я смог определить для себя, что именно. Мой приятель буквально излучал уверенность в себе. Она сквозила во всем: в высоко поднятой голове, жестах, глазах, го-

рящих предвкушением борьбы.

Сдав первую партию неправдоподобно быстро, я вполне оценил важность боевого настроения противника. Вчерашняя удача окрылила меня. Но, одновременно, и сделала чересчур самонадеянным. С сильным шахматистом нельзя делать необдуманных, быстрых ходов, уповая на фортуна.

Из ступора меня вывел голос Влада.

– Если хочешь, мы можем сыграть в воскресенье.

– Только в воскресенье? – встрепенулся я. И невольно пожалел о своей несдержанности. Как мальчишка, уговаривающий дяденьку сыграть с ним еще один разик!

Но Влад будто и не заметил моей оплошности.

– Работа. Бытовые заботы. Мелкие, но от того не менее необходимые, – ответил он.

Я немного поколебался, но в итоге согласился

– Добро, отложим до выходных.

Будни я посвятил служебным обязанностям. Я не мог не заметить, что отец, изредка появляясь в поле моего зрения, мрачнеет с каждым днем. Взгляды, которые он бросал на сотрудников, казалось, могли испепелить зазевавшегося недотепу на месте. Особенно, если тот не позаботился о громотводе, в виде пухлого убедительного отчета, благоразумно заготовленного на случай стихийного бедствия.

Воспользовавшись кодами доступа, которые админ не считал нужным

аннулировать, я аккуратно заглянул в итоговые колонки

финансовых таблиц. Показатели, еще квартал назад не внушавшие оптимизма, сегодня и вовсе упали ниже всякого разумного предела. Я быстренько развернул колонки цифр в ежедневный график, и окончательно убедился в том, что наше благополучие лихо несется под гору, обозначенную на экране разноцветными плавными линиями. Проходя мимо моего терминала, отец чуть было не поймал меня с поличным. Хорошо, что я успел сменить окно на нейтральную заставку. На ней девушка в синем купальнике эффектно выгибала спину на фоне заснеженного леса. Нахмутив брови, папа покинул брентную юдоль, вознесясь посредством чуда механики в чертоги небожителей.

В воскресенье к назначенному часу в кресле восседал бодрый, энергичный, только что выбритый, уверенный в своих силах молодой человек. Это я про себя.

Камера привычно выхватила знакомые фигурки, руки Влада, поправляющие объектив, и, как мне показалось на миг, женский силуэт, промелькнувший в дверном проеме.

Моя домашняя заготовка приказала долго жить уже на третьем ходу. Влад явно был в ударе, играя нестандартно, ярко, рискованно. Добросовестно промучившись до пешечного эндшпиля, я понял, что моему королю никак не успеть перехватить лишнюю пешку черных, и сдался.

– Если есть желание, можем сыграть матч-реванш.

Благородное предложение нашло отклик в моем сердце.

Я только попросил сделать кофе-паузу, на что мой оппонент сразу согласился. Возвращаясь с кухни, я застал Влада в той же позе. Единственным новым элементом натюрморта был дымящийся в круглом стакане чай с лимоном. Старомодный ажурный подстаканник охватывал тонкое стекло, и мне на миг показалось, что Влад – пассажир транзитного поезда, направляющийся в загадочную, полную мистических тайн, экспедицию.

Улыбнувшись своим грезам, я протянул фарфоровую чашечку к монитору, Влад подхватил мою шалость, и через миг мы уже чокались импровизированными бокалами.

Три партии я играл не отрываясь, напрочь позабыв о времени. Первые две уступил, но в третьей мне все же удалось поставить соперника в трудное положение. У нас уже было двукратное повторение позиции. Король белых путешествовал по первой горизонтали. Видимо, Влад искал приемлемое для себя продолжение. И пока что найти его не мог. Если и после третьего шаха он ответит своего короля на ту же клетку, по правилам я смогу записать в свой актив еще одну ничью. Ничья, конечно же, далеко не выигрыш. Но в борьбе с таким соперником, я уже привык довольствоваться малым.

– Да, прямо скажем, мое положение не из лёгких... – протянул Влад через минуту. Он потер подбородок левой ладонью, переместил указательный палец к верхней губе, и, смешно сведя зрачки к переносице, придал носу форму свиного пяточка. Я, не выдержав комизма ситуации, громко хо-

хотнул.

Мне показалось, что за спиной Влада раздался сдержанный женский смешок.

– Костя, время сейчас уже позднее...

Я взглянул на часы и обомлел. И верно, шел двенадцатый час ночи. Вот уж засиделись, так засиделись!

– И... – вкрадчиво продолжил я, искренне надеясь на то, что сейчас противник объявит следующим ходом мировую.

– И я хотел бы отложить нашу партию до лучших времен, – неожиданно подытожил собеседник.

Боюсь, что разочарование в голосе при прощании выдало меня с головой.

Следующий выходной случился у меня гораздо раньше, чем я планировал. Отец, не склонный расслаблять коллектив празднованием тех красных дней календаря, что сменили свой колер на глазах 'поколения некст', на этот раз изменил себе. Сотрудникам было объявлено, что ближайшие три дня они могут провести, как душе угодно. 'В соответствии со своими политическими пристрастиями и псевдодемократическими амбициями', – как объявил нам юноша администратор с кривой ухмылкой.

Я не стал допытываться у бати о причине манифеста, даровавшего работникам три дня свободы от горячо обожаемого ими офиса. В конце концов, захочет – сам скажет. К тому же, я почти смог вернуться к обыденной жизни, и дал

себя уговорить съездить на шашлыки в первый из подаренных дней.

Шашлыки случились отменные. Наташка из снабжения, вновь внесенная в реестр свободных женщин Подмосковья, поглядывала на меня с интересом.

И погода для глубокой осени стояла совсем даже неплохая. Да уж если напрямую, – офигительная погода! Но мне чего-то не хватало.

Правы последователи Эскулапа, из чувства солидарности с пациентом, не утруждающие себя ношением белых халатов. Одна доминанта действительно заместила другую. Поразительно, но я скучал по минутам, проведенным вместе с Владом!

На следующее утро сразу после душа, легкой зарядки и завтрака чемпиона – апельсиновый фрэш и два крохотных тоста, я оказался за монитором.

Влада я на этот раз застал врасплох. Инвалидное кресло, развернутое вполборота к камере, непропорционально усохшая нижняя половина тела, обтянутая пресловутыми злосчастными трениками, страдальческое выражение, застывшее на осунувшемся лице. И всё это на фоне обшарпанной мебели и стен с осыпающейся штукатуркой. Я испытал состояние, когда на бегу вдруг врезаешься лбом в незамеченную стальную балку. Влад оторвал правую руку от левого предплечья. В ладони блеснула игла шприца.

Мужчина бросил шприц в сторону, в невидимую мусор-

ную корзину, и принялся неловко раскатывать рукав рубашки.

– Здравствуй, Костя, – хрипло, совсем незнакомо прозвучал его голос.

– Извини что побеспокоил... – начал было я.

Но Влад только устало махнул правой рукой.

– Пустое. Приступ был. В этот день у меня всегда так.

– Почему именно сегодня? – вырвалось помимо воли. Я тут же прикусил язык, пожалев, что он работает быстрее, чем мозги. Но, как известно, слово не воробей. Вылетит – не поймаешь. Ответа Влада ждал с опаской.

Но тот как будто не заметил моей бестактности.

– Знаешь, Костя, а я даже рад, что ты про меня вспомнил именно сегодня.

У нас с тобой партия осталась не доигранной. Я не забыл. Не люблю незаконченных дел. Только не могу обещать, что мы её скоро завершим. А сегодня сыграем по другим правилам.

– Да какие игры...

Но Влад вновь остановил меня жестом.

– У меня еще осталась два дня в запасе, – коротко обронил он. – Позволь уж мне самому решать, как их провести.

Ошарашенный, сбитый с толку, я даже не нашелся, что ответить. Жилистые руки Влада споро толкали колеса тележки. Вот он развернулся спиной ко мне и бросив через плечо: 'У тебя вино в доме есть?', не дождавшись ответа, покати

на кухню.

Вернулся он не скоро, дребезжа на ходу стеклянными емкостями, устроенными на коленях. Расположив две бутылки симметрично по бокам от клавиатуры, он установил фамильную доску и извлек на свет набор стопок.

– Смотри, какое чудо! – Влад взял по стопке в каждую руку и соединил их с тихим хрустальным звоном. Затем поднес прозрачные цилиндрики к объективу, чтоб я мог рассмотреть изображения шахматных фигур. В правой руке моего виртуального друга покоился образ белого короля. Левая, все еще дрожащая ладонь, сжимала черную пешку.

– Незаменимая вещь для шахматиста-алкоголика, – шутливо продолжил мой эксцентричный друг.

– Но мы с тобой не будем оскорблять мудрую восточную игру, и сойдемся-ка лучше в русские шашки!

Влад с проворством официанта расставил стопки по доске, предусмотрительно повернув их прозрачными сторонами к камере. До меня начали доходить условия игры. Место шашек заняли стопки, наполненные красным и белым вином. Тот, кто брал стопку-шашку противника, был обязан ее выпить.

– А у тебя найдется что-то подобное?

– Как не найтись!

Шокированный неожиданным поворотом нашего знакомства, я принес из холодильника откупоренную бутылку Мартини Бьянка и вскрыл по такому случаю юбилейный коньяк

'Нахимов'. Жидкость весело забулькала в разнокалиберных стопках.

Шашки – не шахматы. Партия следовала за партией. И увенчивалась неизменно моим триумфом. Бутылки пустели стремительно. Влад расслабленно улыбался в камеру.

Я не утерпел и задал ему вопрос:

– А по какому поводу наш банкет?

Мой новый друг откликнулся не сразу. Потупив глаза, тихо прошептал:

– Повод самый что ни на есть уважительный.

И добавил так тихо, что я едва расслышал:

– Поминаем моих родителей.

– Влад, Влад, но так же не делается, не по-людски это...

Он оборвал меня на полуслове:

– Может ты и прав. Неразумный поступок.

Он проглотил комок подступившего к горлу спазма и продолжил:

– Костя, ты хотя бы раз задумывался всерьез о душе? Лично я – задумывался. Впервые на похоронах мамы и папы. И еще, когда листал уголовное дело, где синим по белому было написано, кто устроил им автокатастрофу. И тогда думал, когда закладывал взрывчатку в один шикарный серебристый лимузин. В ту минуту мне казалось это правильным. И тогда, когда не смог вдавить кнопку на пульте дистанционного управления. И когда меня швырнули в багажник иномарки, вместе с моим самопальным устройством. А чуть позже,

оставив свой ум, будто ненужную одежду, на бетонном полу заброшенного элеватора, – уже нет! Я для себя все уже решил. Нет ничего хуже неоконченных дел. Так уж получилось, что ты, Костя, мой единственный друг. И мне хотелось бы услышать твое мнение. Должен человек мстить за убийство своих родителей? За собственную искалеченную жизнь? Или должен забыть и продолжать жить дальше?

– Влад, говорят же – 'Хочешь мстить – вырой сперва две могилы!'

– Значит, выходит, человек, который оценил жизнь моей семьи дешевле своих доходов, будет продолжать есть, пить, плодить себе подобных...

А где же тогда справедливость, по-твоему, Костя?

Мы оба были уже изрядно пьяны. И последнее, что я запомнил, было мое невнятное:

– Справедливость... Понятие... Абстрактное...

И реплика собеседника:

– Нет, Костя, ты – не прав!

Весь следующий день я провел в терзаннях. Похмелье неприятная штука. Но меня мучало отнюдь не токсическое поражение организма. Я беспокоился за своего приятеля. Что означало его 'осталось два дня'? Может я смог бы ему чем-то помочь? Оставив компьютер включенным, я как бы ненароком каждые четверть часа оказывался рядом и проверял контакт Влада. Мне не везло. Как жаль, что тревогу с души невозможно снять двумя шипучими кругляшами, бодро

пузырящимися в стакане воды. Да, это не похмелье.

Казалось, что мне чужой человек? Ну, подумаешь, провели с ним несколько вечеров за игрой. Да еще одна совместная, почти понарошная пьянка. Чушь, ерунда, блажь. Я даже не удосужился уточнить, где живет мой собутыльник. Кто знает, какое расстояние отделяет нас друг от друга...

Разнервничался так, что под вечер нацеживал себе в первый подвернувшийся под руку фужер водки. Наливал щедро, не скупясь. И не тратясь на закуску, которая, как известно, лишь убивает градус. После второго фужера отпустило. Влад с его проблемами оказался далеко-далеко, где-то совсем в другом измерении. На монитор я взирал через колонну пустеющей бутылки. Колонна... Да – вот она, пятая колонна, на которой держится пол-России. Тут тебе и бюджет государственный и нищета народная, и горе и праздник, и весельба бесшабашная и утешение тихое. Одним словом, не Александр Сергеевич вовсе, никоим образом! Водка – вот оно, наше всё!

Экран подмигнул мне сквозь прозрачное бутылочное стекло. Новое сообщение от Влада было кратким и по форме скорее напоминало приказ.

'Будь завтра с утра на связи. Если тебе на работу – отпросись. Представление ждет уникальное. Знаешь, как в старом цирке: 'Только сегодня. Проездом из Мельбурна. Один день на арене!' Короче, такое бывает только раз в жизни!'

Аккаунт Влада по-прежнему горел ровным красным цве-

том. Я завел будильник на шесть утра. Молча залпом опрокинул хрустальную емкость.

Покачав головой философски изрек:

– Черти что!

И потерял нить реальности.

Утро оповестило меня о своем прибытии судорожным верещанием звонка. Отключив сигнал будильника, я, по-спортивному, с первой попытки, принял положение сидя. Комп тихо пошумливал, как самовар у бабушки в деревне. Выключить его вчера я, конечно, не удосужился.

Минут через сорок, когда я привел себя если не в божеский, то хотя бы в какой-то приличный вид, пришло скупое сообщение:

'Начало нашего шоу в девять часов тридцать пять минут московского времени. Плюс-минус четверть часа. Пожалуйста, заранее занимайте места, согласно купленным билетам! Не пропустите'!

На миг мне показалось, что я нашел объяснение творящемуся вокруг бреду. Влад просто-напросто позволил увлечь себя зеленому змию в коварный омут запоя! И всех делов! Хорошо, что у меня сегодня выходной. А то вместо работы пялился бы, как дурак, сейчас в монитор!

Экран ожил внезапно. На этот раз картинка на мониторе радикально отличалась от привычной. Первое, что бросалось в глаза – изображение разбилось на два квадрата. В одном из окон крупным планом отображался хозяин квартиры.

На этот раз облаченный в классическую тройку, он расположился за клавиатурой спиной к входной двери. С прикрытыми глазами он слегка раскачивался в такт музыке, звучащей в глубоко надвинутых объемных наушниках.

Другая камера брала общий план комнаты, и, через распахнутую настежь дверь, коридор, упирающийся в прихожую.

В динамиках послышался неприятный треск. Я потянулся к колонкам, чтобы поправить провод, но дело было совсем не в нем. Дверная коробка в квартире моего друга издала тихий протяжный стон и сдалась напору неизвестных. Плечи Влада чуть вздрогнули, и, я мог бы поклясться, что мне это не привиделось, на губах промелькнула мимолетная удовлетворенная улыбка.

Тем временем две тени скользнули внутрь. Двое почти одинаково одетых мужчин, в черных кожанках и надвинутых на глаза бейсболках, на миг замерли в прихожей, оценивая обстановку. Поджарый длинноволосый брюнет небрежно поигрывал фомкой. Тот, что пообъемней и повыше ростом, заметив Влада за клавиатурой, что-то прошептал на ухо своему спутнику. Тот встрепенулся было, не соглашаясь с мнением своего товарища, но властный жест прервал его протест. Владелец фомки исчез с проворством грызуна, скрывающегося от погони в ближайшей канализации.

Влад не спеша снял наушники, аккуратно пристроив их у монитора.

Грабитель приближался к нему медленным, вкрадчивым шагом, будто огромная кошка, наметившая своей жертвой беспомощного воробья с перебитым крылом, даже не подозревающего о грозящей опасности.

От бессилия я крепко сжал кулаки.

– Как же все нелепо! Видеть, и не докричаться!

Неторопливое движение участников сцены наводило на мысль о третьесортном триллере. Бездарный режиссер, лишенный воображения, обычно не находит ничего лучшего, чем затягивать кульминационный момент самым незамысловатым образом.

– Так, значит, живут сейчас подпольные миллионеры. – Незванный гость с любопытством осматривался по сторонам.

Влад даже не вздрогнул. Он размеренно, без суеты, упираясь жилистыми руками в колеса инвалидного кресла, разворачивался к незнакомцу. Неужели он заранее знал, что не один в комнате? Слышал, как расшатывают дверь за спиной – и ничего не предпринял? Но почему?

А налетчик тем временем продолжал обыденным, слегка даже скучающим тоном:

– Не впечатляет. Прямо скажем, не фонтан.

Подождав, когда хозяин квартиры завершит поворот, злодей склонился, с жадным любопытством вперив взгляд в лицо Влада.

– Ну конечно! Я и не сомневался, что это ты! Вот веришь – ни минуты не сомневался! Как только доложили, что ка-

кой-то убогий поперек пошел, я сразу про тебя вспомнил. Сразу! А ведь десять лет, поди, прошло с нашего последнего свиданьица.

– Это хорошо, что ты меня не забыл.

Влад держался молодцом. Я предполагал, что это было нелегко, но когда он впервые удостоил ответом визитера, голос его звучал ровно.

– Двенадцать. – Немного невпопад продолжил Влад.

– Что? – недоуменно откликнулся собеседник.

– Двенадцать лет прошло. Не десять. Двенадцать.

– А... Ну, тебе видней. Годы летят незаметно, – равнодушно пробубнил взломщик.

– И каково это? – холодно осведомился Влад, смерив нависающего над ним мужчину оценивающим взглядом.

– Что каково? – пришедший начинал терять терпение.

– Каково потерять всё? Еще полгода назад ты был большим человеком. Зачерпывал полной ложкой из котла жизни. Каждый день – событие, каждая сделка – фейерверк, каждый шаг – под завистливый шепоток окружающих.

Собеседник моего друга насупился, ссутулился, и стал похож на огромного угрюмого сыча, готового сорваться с ветки.

– А сегодня, – напрочь игнорируя происходящие с гостем метаморфозы, продолжал Влад, – от шикарного праздничного пирога остались лишь крохи. Еще пару-тройка дней – и те сметет ветер.

– Хрен тебе, сука колченогая!

Кулак здоровяка протаранил скулу говорившего. Удар, нанесенный с остервенением, оказался очень силен. Кресло отъехало назад и с размаху врезалось в стол. По монитору пробежала рябь, но картинка почти моментально восстановилась.

По белоснежному полю рубашки брусничкой рассыпались капельки крови.

Влад улыбался разбитыми губами. Его улыбка совсем не выглядела жалкой. Скорее, в чертах лица сквозило что-то... торжественное. Такое выражение лица, наверное, было у гладиатора на арене древнеримского цирка, когда тот одерживал победу над сильным и опасным противником.

– Как в старые добрые времена, да, Горыныч?

– Какой я тебе Горыныч, падла? – налетчик легко приподнял тщедушное тело за отвороты пиджака, уперевшись козырьком кепки прямо в переносицу Влада. Подержал... и брезгливо отбросил назад, в кресло.

Короче, мозгляк недоделанный, верни бабки на счет. И я тебе обещаю, что разойдемся красиво. Бортами, как в море корабли.

Влад чуть помолчал, потянул платок из нагрудного кармана костюма, утер, как мог, расквашенные губы.

– А отцу ты что тогда обещал? – голос прозвучал так тихо, что я едва смог расслышать. И дело было не в ухудшившейся дикции моего товарища.

Но от слов визитер подпрыгнул так, словно ему за шиворот плеснули кипящего масла.

– Так всё из-за этого? Мало тебя Батон с пацанами на элеваторе отмудохали, видно. Не вся дурь вышла. Наши это дела были тогда. Н-А-Ш-И! Понимаешь, гниль ты неходячая!

– Теперь они действительно – наши, – подчеркнуто нейтральным тоном то ли согласился, то ли возразил Влад.

'Спасибо за выбор нашего сервиса. Все транзакции успешно завершены', – глубоким бархатным контральто вкрадчиво отчитался компьютер.

– И что это значит? – угрожающие интонации, нарастая с каждым звуком, норовили прорвать тонкую оболочку слов и разрешиться новой волной насилия.

– Всё просто. – прямодушно отчитался Влад. – Деньги, которые по ошибке ты считал своими, возвратились к законному владельцу. Ну, во всяком случае, большая их часть.

– Это к тебе что ли, сволочь? – левая ладонь нетерпеливо потирала кулак, сдерживая пока позыв, требовавший немедленных действий.

– Мне они ни к чему. Да и не мои они. Людям вернулись.

– Слушай, недоносок, давай начистоту. Я ведь знаю, зачем ты меня сюда заманил. На твоём тарантасе далеко не уедешь. Вот ты и решил, что раз не можешь до меня добратся, то я самолично приду. Товар, так сказать, с доставкой на дом. Для того и внимание мое привлекал. Сначала ненароком, как бы невзначай, один проект мой обосрал... По-

том другой контракт перехватил. Перед заказчиками дураком выставил. Да еще и убытки на фирму повесил.

Мужчина нервно стянул перчатки, зажал их в ладони, и теперь каждая фраза сопровождалась звонкой пощечиной.

– А тендеры себе в убыток?

Хлоп!

– А комиссии принципиальные, не принявшие ни одного объекта?

Хлоп!

– А штрафы за всё что ни попадя!

Влад неожиданно перехватил бьющую руку.

– Довольно! А то я еще чего доброго подумаю, что ты меня на дуэль вызываешь!

– Чего? – глаза визитера хищно сузились. – Всё говнюк, напросился! – Горыныч лихорадочно натягивал перчатки. – Зря я Батона тогда остановил. Прирезал бы он тебя как свиню, и ветками закидал у насыпи. Теперь самому придется.

Внезапно взломщик перегнулся через коляску и быстрым движением достал что-то из-под столешницы.

Влад отпрянул от своего мучителя. В руках у бандита отливала темной сталью угловатый, длинный пистолет.

– Тоточечка... – ласково протянул налетчик, оценивая приобретение. – Ты неплохо подготовился. Пуля у него острая, проходит навывлет, – бандит по-хозяйски достал обойму и вновь вогнал ее в рукоять. – Бывает, что и спасут бедолагу... Если кровью раньше не изойдет. Ну, если не в го-

лову, конечно. Там уж без вариантов. А у вас, инвалидов, не жизнь, а сплошная депрессия. Понятно, рука сама собой иногда к стволу тянется, да?

Ёрничая, бандит следил за реакцией Влада.

– Последняя твоя выходка с хакерской программкой...

Когда денежки вдруг запрыгали со счета на счет, как крольчатки, оставшиеся без клетки, а потом их стало все меньше, и меньше, и меньше... Чистой воды мошенничество, конечно. Вот тут ты действительно меня достал!

Я ведь мог с милицией к тебе заявиться. И хана твоей вендетте, сопляк!

– Не мог! – затравленно отозвался Влад из своего угла.

– Правильно, не мог... – взгляд Горыныча, порыскав по комнате, остановился на подушке-думке с вышитым по васильковому полотну алым тюльпаном. – Кто бы мне потом деньги вернул?

– А ты мне сейчас всё расскажешь. Всё-всё, как лучшей подружке.

Влад молчал. Он только коротко отрицательно покачал головой.

– Знаешь, что дальше будет, теоретик? – теперь голос мужчины звучал размеренно.

Но меня не мог ввести в заблуждение обманчиво спокойный тон мерзавца. Я знал этот голос. Тембр звенел изнутри переливами стали, как будто пружина, толкающая боёк к капсулю, только и ждала удобного момента, чтобы сорвать-

ся с насиженного места.

– Сейчас Крыса за дверью мило беседует с твоей кралей. Она, к слову, сдала тебя на раз. Как порожнюю стеклотару. И про ТТ под столом тоже она рассказала. Не вышло у тебя, брателло, как в боевике, закатать туповатому злодею свинцовую блямбу в лобешник. Пздиловат ты для этого... И вида барышни своей, с ротиком, заклееным скотчем, ты долго не вынесешь. Это факт.

Налетчик прервал свои рассуждения на минуту. Видно было, что прочность цепи логических построений его вполне устраивала. Будь его воля – он намотал бы эту самую цепь на руку и воспользовался ей вместо кастета. Воодушевленный ораторским успехом, бандит продолжил:

– Идея пристроиться на работу в мой офис пришла тебе или ей? Гениально. Аплодирую стоя. Как оригинально! Безопасники вычислили саботажника на третий месяц. Между прочим, твой драгоценный папочка наступил на те же грабли. На бабе погорел. Так что, не переживай, ты пошел весь в отца. Жить и помирать неудачником – у вас семейное!

– Я учел папину оплошность, – упрямо отрезал Влад.

– Да неужели? Эй, Крыса! – негромко позвал Горыныч.

Он повторил зов еще дважды. Но напарник почему-то не спешил возвращаться в комнату.

– Он не придет, – лаконично подытожил Влад.

И добавил, будто отрезал:

– Одни мы.

– С чего ты взял? – недоверчиво повел козырьком бейсболки из сторону в сторону Горыныч.

Влад еще раз улыбнулся. Так же открыто и бесхитростно, как улыбался иногда моим шуткам.

– Природа такова. Крысы бегут с тонущего корабля.

Горыныч замахнулся, но бить не стал.

– А если без твоих тухлых приколов?

– Если без приколов, то парень с девушкой на пути к новой, и, возможно даже, светлой, жизни. Помнишь, что я сказал про львиную долю твоих денег? Ну вот, а не львиная доля досталась им. И ты напрасно считал, что план с пистолетом проходит у меня под номером один. Долго, очень долго так и было. Сколько раз я видел во сне, как я всаживаю в тебя пулю за пулей. Смотрю в твои расширенные зрачки. В глаза, такие беспощадные обычно... Гаснущие теперь, стремящиеся поймать взглядом хотя бы край одежды ускользящей от тебя жизни...

– А что же теперь? – гневно прервал его налетчик.

Влад сделал над собой усилие, приподнялся на руках, почти встав на ноги.

– Теперь мне достаточно того, что я уже сделал. Ради денег ты шел на все. Без них ты просто еще один бритоголовый лузер в спортивных штанах с лампасами. Так и не выбившийся в люди и увязший по самые ноздри в девяностых... Как скелет динозавра в смоле... И кроме того...

Договорить он не успел. Я видел, как поднялась рука бан-

дита, слышал короткие хлопки выстрелов. Влада бросило на угол стола, где все еще, притулившись на самом краешке, стояла шахматная доска с так и не доигранной нами партией. Фигуры полетели по сторонам, на миг заполнив пространство дождем черно-белых стрел.

Убийца, в отчаянии сминая бейсболку, обнажил седую голову. Темная материя сползала всё ниже и ниже, открывая лицо. Взгляд, куда более потерянный, чем беспощадный... Впрочем, как я мог быть объективным, видя перед собой глаза отца...

Сегодня я вернулся домой еще засветло. И конверт в почтовом ящике заметил издали. Кто-то из соседей постарался, занес. Перевернув белый прямоугольник, убедился, что обратного адреса нет. Надорвав конверт, извлек цветную открытку. Сейчас такие открытки на каждом шагу продают. На любой вкус и случай в жизни. Яркие, бросающиеся в глаза обложки, текст, уже любезно составленный за вас. Не надо мучаться, подбирая слова...

На моей восточный мудрец в роскошном золотом тюрбানে, скрестив ноги, покуривал кальян на фоне резных куполов и устремленных ввысь минаретов.

Я развернул открытку и бегло пробежал глазами отпечатанные серебром на красивой матовой бумаге строки:

Однажды суфийский мудрец Саади из Ширази направлял-

ся с караваном в Багдад. Случилось так, что, разогнав охрану, на путников напали разбойники.

Когда они подошли к Саади и потребовали его богатства, он протянул главарю стопку книг и несколько монет.

"Я дарю вам эти вещи", – сказал Саади, – и надеюсь, что вы сделаете кое-что для меня".

"Ты наверно хочешь, что бы мы покались и стали твоими учениками, мудрейший?" – ухмыляясь и пряча деньги в кошель, спросил предводитель грабителей, склонившись в театральном поклоне.

"Нет. Я не думаю, что могу вас чему-то научить. Просто найдите праведного человека. Отдайте ему эти книги. И позвольте выучиться хотя бы вашим детям, и тогда, возможно, они не повторят ваших ошибок".

Притча была хороша. Но по-настоящему согрела мне сердце лаконичная приписка от руки, скромно притаившаяся в правом нижнем углу листа.

Темно-фиолетовыми чернилами, с каллиграфически безупречным наклоном строки, там была аккуратно выведена запись шахматной нотации – 41.KpG1-N1=.